

Взбитые сливки из "пены дней"

Культура. — 2000 —
1 марта. — С. 10

"Шалаяпинские вечера в Уфе"

Начиная свою карьеру в Уфе, семнадцатилетний Федор Шалаяпин не мог предполагать, что из его дебюта (1890, Стольник в "Гальке" Монюшко) возникнет — через сто лет — целое предприятие: свои торжества Башкирский театр оперы и балета проводил нынче в восьмой раз. Музыкальный фестиваль как концентрация губернской культуры вызывает прилив чувств. Однако чередование популярных опер и балетов с концертами (среди них Девятая Бетховена и Реквием Верди) выражает не концепцию, а как бы романтическое странствие между мечтой и реальностью — замехом и возможностями. Да и уместно ли вообще выверенное и дорогое понятие "концепция" в мечтательной и бедной (тем более в провинции) стране с ее диковинным сочетанием великих традиций и бесполовости? Впрочем, фестивали существуют и приносят радость. Но если на дне рождения друга вас может не волновать содержимое стола, то критик — в силу рокового проклятия — обязан нудить о художественном

наполнении события.

Им, по идее, должен был стать "Евгений Онегин" — недавняя премьера театра. Имя постановщика (дирижер и режиссер) Фуата Мансурова рождало надежду (дирижер!) и опасения (режиссер?). Любви между музыкой и сценой не получилось: каждая решала свои многочисленные проблемы. Покинув дирижера, струнная группа (особенно виолончели) разваливалась на ходу, и несколько тонких рiано в сцене Письма Татьяны не спасли положения. К тому же сама девушка (Альфия Хамбалева) несла мечты и порывы с приветливой улыбкой времен "Голубого огонька" (даже когда забыла текст). Усадьбную поэзию дополняли прилежное сообщение Ольги о радостях своего района (прилично певшая Татьяна Никанорова в беззаботно-неотразимом платье и парике советских комедийных лент 30 — 70-х вплоть до Гайдая) и неловкая забота обо всем Лариной (неважно певшая Наталья Маслова с гротесковой внешностью пожилой девушки — злой гу-

вернантки). Мужская аура была сильнее: истаивающий в лирике Ленский (москвич Марат Гареев) и вписывающийся в рамки Онегин (Ямил Абдулманов) оттенялись Гремидным (Салават Аскаров), чья интонационная неуверенность сомневалась в любви, покорной всем возрастам. О режиссуре говорить нет смысла. Обаятельный и разносторонне образованный человек Фуат Мансуров увеличил не лучший опыт дирижеров, стремящихся к тотальному авторству спектакля. Венцом проблем оказалась сцена (художник Рифкат Арсланов), забывшая принцип Лариной "всегда по моде и к лицу".

Корректней выглядел "Севильский цирюльник" (дирижер Валерий Платонов, режиссер Равиль Галеев). Здесь нашлись любопытные сценические ходы (танцующие персонажи комедии дель арте как обобщение действия), отличный Фигаро (москвич Андрей Батуркин) и Розина (Светлана Аргинбаева), чей красивый голос, правда, терялся в подвижных темпах. Обидно, что стремле-

ние к изяществу постановки купировалось назойливым коммованием (впрочем, в России обычно так и понимают эстетику буффа) и настойчивым расхождением солистов с оркестром. Базилио (Олег Кильмухаметов) не стремился петь, но его грубовато-сочные разговоры были завлекательней Альмавивы — пропавшего персонажа Фанава Салихова. И куда смотрела Розина?

Реквием Верди выстрелил в разные стороны. Хороший хор (хормейстер Эльвира Гайфуллина) и сносный оркестр под управлением целеустремленного немца Стефаноса Цалиса давали "Страсти по Верди". Однако нестройный ансамбль солистов (Людмила Чекирова, Наталья Ерасова, Алексей Мартынов — самый уверенный и Салават Аскаров — предводитель интонационной волыницы) смазал результат.

Сложное послевкусие оставил и сам фестиваль, точнее, несколько выпавших критику дней. Праздник есть праздник. Так было и в Уфе. И так же, как в других городах, значение акции оказалось сильнее художественного звучания, а благородные цели организаторов и обилие гостей (Москва, Екатеринбург, Новосибирск, Днепропетровск) не составляли классного механизма. Фестиваль как бы взбивал "пену дней". Такова реальность нынешней российской провинции, и я сомневаюсь, что где-то происходит иначе. Чтобы превратить "пену" в сливки, нужны не только деньги и намерения (эффект Базилио: "Вы дайте денег, а я все устрою"), но и идеология — стратегия поиска, концепция художественного организма с драматургией необходимых и оригинальных решений. И — качество! Иначе придется всегда носить единственный повседневный костюм с чувством удовлетворения: "празднично и в то же время буднично". К счастью, театр понимает, что планка требований не лежит на земле, чтобы переступать, а висит наверху, чтобы подтягиваться. Глядишь, и государство подтянется к культуре. Будут и сливки. Вспомним, что Шалаяпин любил хорошо поесть.

Михаил МУГИНШТЕЙН
Уфа

